

EDN: EFPWRW
УДК 316.334.55/.56

Polyphony of Urban Texts: Localities, Boundaries and Social Groups in the Textures of Peripheral Spaces of the City

Konstantin V. Grigorichev*

*Irkutsk State University,
IrCh SB RAS
Irkutsk, Russian Federation*

Received 22.07.2024, received in revised form 23.07.2024, accepted 11.09.2024

Abstract: The article presents the main research problems and topics to which a special issue of the journal is devoted. The author shows that the study of peripheral urban spaces and communities has a high heuristic potential, since due to less dense government regulation there are opportunities for the emergence of a wide repertoire of practices for using the city. This leads to a dynamic complication of the texture of urban space, the emergence of new localities, communities, and borders.

Keywords: urban space, place, periphery, migration, ethnicity, discourse.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Grigorichev K. V. Polyphony of urban texts: localities, boundaries and social groups in the textures of peripheral spaces of the city. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(10), 1810–1815. EDN: EFPWRW

Полифония городских текстов: локальности, границы и социальные группы в текстурах периферийных пространств города

К.В. Григоричев

*Иркутский государственный университет,
ФГБУН ФИЦ ИРИХ СО РАН
Российская Федерация, Иркутск*

Аннотация. В статье представлены основные исследовательские проблемы и сюжеты, которым посвящен специальный номер журнала. Показано, что исследование периферийных городских пространств и сообществ имеет высокий эвристический потенциал, поскольку в силу менее плотного властного регулирования здесь существуют возможности для возникновения широкого репертуара практик использования города. Это обуславливает динамичное усложнение текстуры городского пространства, появление новых локальностей, сообществ, границ.

Ключевые слова: городское пространство, место, периферия, миграция, этничность, дискурс.

Цитирование: Григоричев К. В. Полифония городских текстов: локальности, границы и социальные группы в текстурах периферийных пространств города. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(10), 1810–1815. EDN: EFPWRW

Современный город включает в себя огромное количество локальностей, отчетливо считываемых горожанами, властью, медиа, существенно влияющих на повседневные практики, которые, однако, исключены из публичного дискурса, слабо представлены или отсутствуют в академических текстах и властной риторике. Спектр таких локальностей чрезвычайно широк: «частный сектор» и его обитатели, бомжи и места их обитания, мигранты, прежде всего пребывающие с нарушением законодательства РФ, реальные или «воображенные» этнические группы и другие. Такие группы и связанные с ними городские пространства, как правило, не попадают в поле зрения не только исследователей, но официальных медиа, и не присутствуют во властной риторике. Ярким примером могут служить «этнические» районы, устойчиво выделяемые в повседневных представлениях горожан, но отсутствующие как в медийном, так и академическом тексте.

Такие локальности исключены из публичного дискурса не как несуществующие, а скорее, как не соответствующие содержанию, которым может и должно быть наполнено городское пространство. Не соответствуя считываемым символам наполненного пространства, такие локальности «выпадают» из города, оставляя своего рода «пустое пространство» – не как «освобождение места, а как преобразование места» (Filipov, 2009: 23), заполняемое иными сущностями и образами. Одно такое исключение не означает, что эти локальности не влияют на город, организацию его пространства и повседневность его обитателей. Как отмечает А. Ф. Филиппов, текстура пространства может включать сразу несколько текстов (Filipov, 2009), образуемых как формальным, так и неформальным взглядами. Горожане, проживая пространство (Lefebvre, 2017) таких локальностей, считывают каждый из них, не только воспринимая официаль-

но закрепленный образ той или иной части города, но и формируя собственное представление о *месте*. Такие представления нередко оказываются весьма устойчивыми и в качестве метиса («знания о том, как на самом деле делаются дела») (Scott, 1999) определяют практики использования этих частей городского пространства и социальных взаимодействий в нем.

Спецификой городов восточной части России (по крайней мере, Восточной Сибири и Дальнего Востока) является наличие обширного комплекса локальностей, маркируемых как «этнические» и «мигрантские». Ключевой причиной этого является переселенческий характер общества этой части страны, для которого миграции всегда были и остаются непременным условием его существования и развития (Dyatlov, Grigoriev, 2013). Логичным следствием этого становится и закрепление за местами проживания мигрантских групп в городе и контакта с ними не формализованных, но прочно укорененных «этнических» определений. Они успешно считываются горожанами, властью, бизнесом, которые активно вовлекаются в процесс этнизации городского пространства (Dyatlov, Grigoriev, 2014), добавляя в его текстуру все новые слои текста.

Этнический язык описания «другого», сложившийся в советском и постсоветском миграционном дискурсе (Dyatlov, Grigoriev, 2013; Grigoriev, Koptseva, 2020), достаточно устойчив и в описании городских пространств сибирских и дальневосточных городов (Garnaga, 2021; Vljaher, Kovalevskij, Leont'eva, 2023). Однако образ «чужака-мигранта» – маргинала по определению (Simmel, 2008) – экстраполируется не только на мигрантские пространства города, но и на иные городские локальности, воспринимаемые массовым сознанием в качестве маргинальных. Как показывают Л. Бляхер и М. Устиненко, именно «мигрантскость» таких локальностей становится мостом к их определению в качестве этнических. При этом собственно этнические характеристики (культурные и какие-либо другие) здесь не присутствуют, а единственным основанием для такого определения

становится представление о «чуждости» и «маргинальности» таких локальностей.

Такое усложнение системы представления о городе накладывается на длительную историю складывания пространства городов Востока России, в которой ключевую роль играли миграции и мигранты как минимум с конца XIX в. (Dyatlov, Grigoriev, 2013). Позднеимперские, советские и постсоветские миграции определяли социальный, культурный, архитектурный облик сибирских и дальневосточных городов, являлись важнейшими участниками «производства города» (Çağlar, Glick Schiller, 2018). Для дальневосточных, а во многом и для восточносибирских городов России наиболее заметной мигрантской группой, прямо или косвенно влиявшей на векторы развития городских пространств, на протяжении последних 100–150 лет были мигранты из Китая. Рассматривая влияние этой группы на материалах Хабаровска, Э. Леонтьева и Н. Ван приходят к заключению о том, что если в прошлом присутствие китайцев в городе четко локализовывалось в физическом пространстве, то в современных условиях определение «китайских» мест происходит прежде всего дискурсивно. Маркеры «китайскости» заведений общепита может не фиксироваться формально, однако уже в источниках, основанных на дискурсивном описании города (например, «народные карты»), позволяют пользователю уверенно считывать такие локальности. «Китайские» места, существовавшие ранее почти исключительно как конвенциональные локальности в физическом пространстве города (Grigoriev, 2020), все больше определяются «прочтением» этих мест «знающими людьми», оставаясь для иных жителей и гостей города вполне ординарными элементами городской инфраструктуры.

Проблему вовлеченности мигрантских групп в производство городского пространства продолжает исследование А. Винокуровой и А. Ардальяновой. Опираясь на идеи Р. Ольденбурга о «третьем месте» (Oldenburg, 2014), авторы показывают, как адаптация мигрантов к городу ведет не просто к освоению и присвоению городского

пространства, но и к его переформатированию. Использование мигрантами «третьих мест», безусловно, выступает важным фактором консолидации мигрантских групп, поддержания их культурной идентичности. Но в то же время именно эта функция ведет к закреплению за локальностью статуса «мигрантской» и «этнической», создавая новый текст в текстуре городского пространства.

Если представление о городе, формируемое дискурсом о мигрантах и мигрантских локальностях, довольно давно стало предметом интереса исследователей, то дискурс самих мигрантов о городе пока еще остается сравнительно мало изученным. И, как правило, в существующих работах в фокусе оказываются трансграничные мигранты, прибывающие в город и формирующие его ментальную карту, маршруты и узлы мобильностей на ней (Brjazgina, 2019). За пределами анализа остаются мигранты внутренние, прибывающие в рамках межрегиональной и внутрирегиональной миграции, и участники исходящей миграции. В статье А. Ковалевского ставится вопрос об участии таких мигрантов в формировании образов пространства города исхода в сопоставлении с потенциальными местами вселения. По мысли автора, «уехавшие» выступают не только связующим звеном для сообществ в городах исхода и вселения, но и снижают издержки для новых переселенцев как на миграционное движение, так и адаптацию на новом месте.

Стратегии социально-экономической адаптации мигрантов из сельской местности, прибывающих в столицу Бурятии в рамках ускоренной урбанизации региона, рассматривает в своей статье Н. Карбаинов. Здесь стигма пространства (обширные сквоттерские поселения – «нахаловки») во властном и медийном дискурсе распространяется на всех жителей самовольных поселений, приписывая, а иногда и предписывая им статус маргиналов. Автор, однако, показывает достаточно сложную структуру новых жителей пригорода, стратегии которых могут быть связаны как с неформальной, так и формальной экономикой, ориен-

тированной на различные сегменты рынка. Выбор стратегии определяется стартовым экономическим и социальным капиталом, при этом последний оказывается равно важен для адаптации как в формальной, так и неформальной экономике пригорода.

Уникальным кейсом постсоциалистического города, дающим великолепные возможности для сопоставительного анализа городского пространства на Востоке России, является город Улан-Батор (Breslavsky, 2016). Столица Монголии – не просто еще один вариант постсоциалистического развития, основанного на стремительной урбанизации. Как показывает Ёндон Ундрал, масштабная урбанизационная миграция порождает здесь как культурную пространственную маргинальность новых жителей Улан-Батора, так и обширные лиминальные пространства мегаполиса (юрточные районы), внутри которых фактически проходит граница городского и сельского миров, сталкиваются традиция и модерн, порождая новые водоразделы.

Близкая ситуация (хотя и с обратным знаком) воспроизводится и на периферии российского города, где на административной границе с формально сельским пространством формируется новое для России явление субурбии. Новое не только и не столько в административном смысле – как раз здесь ничего нового не появляется – формально пригородов в России по-прежнему нет. Но именно такое неформальное развитие субурбанизации ведет к появлению чрезвычайно гетерогенного пространства, насыщенного не только разнообразными пространственными и социальными формами, порой плохо сочетающимися между собой, но и разделяющими их границами. Это позволяет К. Григоричеву и Ю. Елохиной рассматривать растущие пригороды как систему границ, а образ жизни обитателей пригородов (пригорожан) как «жизнь между» («living-in-between»). Последнее становится, по мнению авторов, одним из важнейших факторов закрепления гетерогенности и изменчивости российских пригородов как специфической черты российского варианта субурбанизации.

Каждое новое «прочтение» городского пространства – не новым читателем, а новым способом, становится фактически, еще одним текстом города, новым элементом его текстуры. Развитие «темного» туризма (некротуризма) в России и в зарубежных странах (Merkulova et al., 2018) привело к принципиально новому прочтению пространства городских кладбищ. Как показывают А. Казакова и Д. Степанова, в результате десакрализации этих мест на карте города появляются новые туристические локальности, где некрополи превращаются из «места скорби» в объекты экскурсионного показа. В своем исследовании трансформаций использования пространства кладбищ Калуги они показывают чрезвычайное расширение репертуара практик посещения таких локальностей, что вольно или невольно влечет за собой изменение их образа в массовом сознании и функций в жизни города.

Текстура современного городского пространства продолжает усложняться и за счет появления качественного слоя, который можно определить как «цифровой текст» – цифровых социальных медиа, цифровой разметки пространства в геоинформационных системах и QR-кодах. Появление такого элемента городского пространства породило широкий спектр идей о гибридизации онлайн- и офлайн-

пространства (Federico et al., 2016; Sorin, Ball-Rokeach, 2001), в том числе представление о гибридном соседстве (Chernysheva, Gizatullina, 2021). Анализу подобных практик гибридизации физического, социального и цифрового пространства посвящена работа К. Иванова о соседских чатах жилых комплексов Иркутска. Опираясь на значительный объем сообщений в соседских чатах в электронных мессенджерах, автор показывает практики конструирования дискурса о своем и чужом пространстве, границей между которыми становится «цифра».

Современный российский город предстает высоко динамичным пространством, где дискурсивно конструируются новые локальности и границы, различные для разных наблюдателей, но объединенные общим пространством, в котором они существуют. И городские периферии, как и периферия вообще (Bljaher, Grigoriev, 2023), оказываются здесь наиболее продуктивны: в силу «пустоты» этих частей города для властного наблюдателя протекающие здесь процессы регулируются менее плотно. Это обуславливает возможности для самого разнообразного прочтения городского пространства, его физического обустройства и дискурсивного определения, появления здесь новых образов и смыслов.

Список литературы / References

Bljaher L. E., Grigoriev K. V. Periferijnye prostranstva kak issledovatel'skaja problema i obekt issledovanija [Peripheral spaces as a research problem and object of study]. In: *Periferija. Zhurnal issledovanija nestolichnyh prostranstv* [Periphery. Journal of the Peripheries Studies], 2023, 1(1), 7–26. EDN: FMEZXJ

Bljaher L. E., Kovalevskij A. V., Leont'eva Je. O. Jetnichnost' kak stigma: vzaimodejstvie voln migracii na Dal'nem Vostoke Rossii [Ethnicity as a Stigma: Interaction of Migration Waves in the Russian Far East] In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 2023, 76, 163–181. DOI: 10.17223/1998863X/76/16

Breslavsky A. S. The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar. In: *Inner Asia*. 2016, 18(2) 196–222. DOI 10.1163/22105018–12340065

Brjazgina D. E. “Jetnicheskie” rynki v sisteme transportnyh kommunikacij Irkutsk: konstruirovanie i transformacija gorodskogo prostranstva [Ethnic Markets in the Transport System of Irkutsk: Construction and Transformation of the Urban Space]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovanija* [Siberian Historical Research], 2019, 3, 87–100. DOI: 10.17223/2312461X/25/5

Çağlar A., Glick Schiller N. *Migrants & City-Making. Dispossession, Displacement, and Urban Re-generation*. Durham and London: Duke University Press, 2018. ISBN 9780822370444

Chernysheva L., Gizatullina E. «VKontakte» s sosedsjami: cherty i praktiki gibridnogo sosedstvovaniya v bol'shom zhilom komplekse Sankt-Peterburga [VKontakte and the Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia] In: *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. 2021, 13(2), 39–71 DOI: 10.25285/2078–1938–2021–13–2–39–71

Dyatlov, V. I., Grigorichev, K. V., eds. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [The Resettlement Society of Asian Russia: migrations, spaces, communities]. Irkutsk: “Ottisk”, 2013, 624. ISBN 978–5–905847–49–3

Dyatlov, V. I., Grigorichev, K. V. Sibir': dinamika etnizatsii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obshchestva [Siberia: dynamics of ethnicization of the urban space of the resettlement society]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [The bulletin of Irkutsk State University]. Series «Political science and Religion studies», 2014, 10, 8–19. EDN: TAWWTH

Federico C., Scramaglia R., Cornetta D., Simone C. “When the Web Supports Communities of Place: The ‘Social Street’ Case in Italy.” In: *International Journal of Web Based Communities*. 2016, 12(3), 216–237. <https://doi.org/10.1504/IJWBC.2016.077758>;

Filippov A. F. Pustoe i napolnennoe: transformacija publichnogo mesta. [The Empty and the Filled: The Transformation of the Public Place]. In: *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociology Review], 2009, 8(3), 16–29 EDN: LAIQK

Garnaga A. F. *Social'nye processy dal'nevostochnogo goroda v uslovijah transformacii: vernakuljarnyj podhod* [Social Processes of a Far Eastern City in Conditions of Transformation: a Vernacular Approach]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk. Tihookeanskij gosudarstvennyj universitet. Khabarovsk. 2021. EDN: GZANAM

Grigorichev K. V., Koptseva N. P. Host society and migrants: searching for the languages of mutual description. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020, 13(5), 612–622. DOI: 10.17516/1997–1370–0593

Grigorichev K. V. “Nepравil'nye kitajtsy” i “zahvachennyi gorod”: osparivanie gorodskogo prostranstva kak vyrabotka praktik vzaimodejstviya s drugim [The “wrong” type of Chinese and the “captured” city: contesting of urban space and constructing practices of interacting with the other]. In: *Zhurnal issledovanij sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Study], 2020, 4(18), 593–608 DOI: 10.17323/727–0634–2020–18–4–593–608

Lefebvre A. *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moskva: Strelka Press, 2017. 430. ISBN 978–5–906264–48–0.

Merkulova T. A., Galyatkina, E. I., Chukanova, I. E. The Development of “Dark” Tourism in Russia and Abroad [Razvitie “temnogo” turizma v Rossii i za rubezhom]. In: *Resorts. Service. Tourism* [Kurorty. Servis. Turizm], 2018, 1(38), 78–82.

Oldenburg R. *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moscow: New Literary Review. 2014, 465.

Scott J. *Seeing like a state. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press. 1999. ISBN 9780300078152

Sorin M., Ball-Rokeach S. J. “Real and Virtual Social Ties: Connections in the Everyday Lives of Seven Ethnic Neighborhoods.” In: *American Behavioral Scientist*. 2001, 45(3), 550–564. <https://doi.org/10.1177/0002764201045003012>.

Zimmel' G. Jekskurs o chuzhake [Excursion about the stranger]. In: *Sociologicheskaja teorija: istorija, sovremennost', perspektivy. Al'manah zhurnala «Sociologicheskoe obozrenie»* [Sociological theory: history, modernity, prospects. Almanac of the journal “Sociological Review”]. SPb.: Vladimir Dal', 2008, 9–14. ISBN 9785936150821